



005012900

1  
На правах рукописи

*Письма*

Письменный Евгений Владимирович

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СУЩНОСТЬ И ДИНАМИКА МИФОЛОГИИ  
ТЮРЕМНО-ВОРОВСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ**

24.00.01 – Теория и история культуры

**Автореферат**  
диссертации на соискание учёной степени  
кандидата культурологии

29 МАР 2012

Челябинск – 2012

Работа выполнена на кафедре культурологии и социологии  
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения  
высшего профессионального образования  
«Челябинская государственная академия культуры и искусств»

Научный руководитель

кандидат педагогических наук, доцент  
**Сковикова Сергей Степанович**

**Официальные оппоненты**

**Тищенко Елена Яковлевна,**

доктор педагогических наук, профессор; Уральский институт социального образования (филиал) государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный социальный университет» в г. Екатеринбурге, профессор кафедры социальной работы и социальной педагогики; зам. начальника организационно-аналитического управления ГУФСИН России по Свердловской области, полковник внутренней службы

**Сытых Елена Львовна,**

кандидат культурологии, доцент, Челябинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доцент кафедры истории и философии

**Ведущая организация**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Защита состоится 19 апреля 2012 года в 12 час. 00 мин. на заседании объединенного совета ДМ 210.020.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям 09.00.13 и 24.00.01, созданного на базе Челябинской государственной академии культуры и искусств, 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а, ауд. 206 (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Автореферат разослан 19 марта 2012 г.

Учёный секретарь

диссертационного совета

кандидат культурологии, доцент



Тарасова Юлия Борисовна

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** Исследование социокультурной сущности и динамики мифологии тюремно-воровской субкультуры обладает большой степенью актуальности, так как позволяет получить целостное и системное теоретическое обоснование для эффективного выстраивания прогностических и коррективных воздействий как на территории пенитенциарного пространства, так и во внешнем по отношению к нему социокультурном пространстве современной России.

Феномен мифологии тюремно-воровской субкультуры значим для функционирования и развития этой субкультуры в силу широкой представленности в ней мифологического.

Отсутствие привычных социокультурных механизмов организации и функционирования в пенитенциарном пространстве обуславливает необходимость выстраивания особой мифологической системы, замещающей собой социокультурные механизмы, в которых возникает потребность, и, в силу этого, обладающей полифункциональным характером.

Все функции мифологии тюремно-воровской субкультуры обладают тесной взаимосвязью и выражают многоаспектный характер проявления этого феномена, фактор полимодальности обуславливает исключительную важность данной мифологической системы для субкультуры пенитенциарного пространства.

Более полное исследование феномена мифологии тюремно-воровской субкультуры позволяет выявить дополнительные аспекты социокультурной диагностики современного общества. Для реализации данной цели важно исследование процесса проникновения конструкторов этой мифологии во внешнее социокультурное пространство – мифологическое становится семиотическим каналом сообщения пенитенциарного пространства и внешней социокультурной среды.

Мифология часто игнорируется специалистами по исследованию тюремно-воровской субкультуры, что приводит к неверной оценке самого явления тюремно-воровской субкультуры, а также проявлений этого феномена во внешней по отношению к пенитенциарному пространству социокультурной

среде – в открытом обществе. Изучение тюремно-воровской субкультуры и её мифологической составляющей обладает повышенной актуальностью в силу активной реинтерпретации её мотивов во внешней социокультурной среде. Анализ показывает, что этот процесс изучен и раскрыт недостаточно, современные исследователи трактуют его однобоко, раскрывая лишь его отдельные аспекты, и оставляя за гранью научного анализа процесс формо-смысловой трансформации, которому неизбежно подвергаются мифологические конструкты, попадая в иную среду, представленную различными локусами социокультурного пространства (например, локусами литературы, экранной культуры, музыкальной культуры, молодёжных субкультур), обладающими разными характеристиками, и, следовательно, предъявляющими совершенно различные требования к реинтерпретируемым мифологическим конструктам (например, локус литературного творчества допускает возможность сознательно-фантазийной интерпретации этих конструктов для достижения художественного эффекта).

Исследование социокультурной сущности мифологии тюремно-воровской субкультуры позволяет определить её особенности, обусловленные спецификой самой сферы функционирования тюремно-воровской мифологии – пенитенциарного пространства. Настоящее исследование позволяет сделать более точный анализ процесса динамики мифологии тюремно-воровской субкультуры, который, в свою очередь, даёт возможность проследить процессы её генезиса, развития, трансформации, функционирования, а также процесс кардинальной реинтерпретации во внешнем социокультурном пространстве. Совокупное исследование этих двух аспектов мифологии тюремно-воровской субкультуры представляет этот феномен более полно и развёрнуто.

#### **Степень научной разработанности проблемы.**

Тюремно-воровская субкультура изучалась в основном специалистами по пенитенциарной психологии и педагогике (Ю. К. Александров, В. М. Анисимков, В. Ф. Пирожков, А. И. Гуров, Ю. П. Дубягин, Г. Ф. Хохлаков, С. Г. Ольков). Указанные авторы либо игнорируют присутствие в тюремно-воровской субкультуре мифологического, либо просто отмечают его наличие, не раскрывая сущность и значимость этого явления для функционирования и развития тюремно-воровской субкультуры.

Тема тюремно-воровской мифологии получила развитие в работах нескольких авторов (Е. С. Ефимова, Ю. Ю. Черкасова). Но эти авторы не давали серьёзный анализ социокультурной сущности явления, отражающей его самобытность, и специфики среды его функционирования.

Процесс динамики тюремно-воровской мифологии, по нашему мнению, также исследован не полностью, так как не получили совокупного анализа аспекты данного процесса, включающие в себя генезис, функционирование мифологического, трансформацию и воспроизводство мифологического во внешней по отношению к пенитенциарному пространству социокультурной среде.

Воспроизводство тюремно-воровской мифологии во внешнем мире было представлено исследователями как процесс прямой трансляции во внешнее пространство, либо как процесс экспансии данной мифологии, или как буквальное воспроизведение мифологических элементов тюремно-воровской субкультуры во внешней среде (Ю. Ю. Черкасова, В. И. Катин, А. Р. Багаутдинова). Мы не исключаем данные подходы, но полагаем, что они выявляют лишь один из аспектов этого процесса. Мы считаем, что процесс заимствования мифологии тюремной субкультуры обусловлен в большей степени не её стремлением к экспансии, а процессами культурной абсорбции, проявляющимися в современном российском социокультурном пространстве, и определяемыми, скорее, внешними социокультурными потребностями.

Данные лакуны в исследовании мифологии тюремно-воровской субкультуры обуславливают важность проведения совокупного исследования её социокультурной сущности и динамических аспектов.

**Проблемное поле данного исследования** определяется наличием противоречия между важностью феномена мифологии тюремно-воровской субкультуры как действенного социокультурного явления и недостаточной изученностью её социокультурной сущности и динамических аспектов.

В качестве **объекта исследования** выступает мифология тюремно-воровской субкультуры. **Предмет исследования** – социокультурная сущность и динамические аспекты мифологии тюремно-воровской субкультуры.

Социокультурная сущность тюремно-воровской мифологии раскрывается посредством анализа особенностей этой системы и соотнесения выделенных

характеристик со спецификой социокультурной среды её формирования и функционирования – пенитенциарного пространства.

Динамические аспекты мифологии тюремно-воровской субкультуры исследуются через анализ процессов формирования, функционирования и трансформации этой мифологии, а также реинтерпретации её мотивов во внешней социокультурной среде.

Объект исследования обладает важностью ввиду того, что тюремно-воровская мифология имеет особый характер, уникально сочетая в себе черты как архаичного, так и современного социального мифа, отражая особенности пенитенциарного пространства, обладая многофункциональностью и оказывая значительное влияние на процессы формирования, развития и функционирования тюремно-воровской субкультуры, а также ввиду наличия активной кардинальной реинтерпретации мотивов данной мифологии во внешней социокультурной среде.

Предмет исследования – социокультурная сущность и динамические аспекты мифологии тюремно-воровской субкультуры – характеризуется недостаточной степенью изученности. Объект не получил системного анализа своего особого характера, обусловленного спецификой социокультурного пространства формирования, развития и функционирования этой мифологии. Динамические аспекты тюремно-воровской мифологии также не получили системного исследования. Это противоречие между важностью объекта и недостаточной изученностью предмета и формирует проблему, решение которой осуществляется посредством реализации цели данного исследования.

Цель исследования заключается в анализе сущности и динамических аспектов мифологии тюремно-воровской субкультуры и её значимости в современном культурном пространстве.

В ходе достижения цели исследования представляется необходимым решение следующих задач:

1. Анализ основных подходов к изучению феномена мифа и уточнение концепции интерпретации данного феномена в контексте темы исследования.
2. Анализ причин и факторов, обуславливающих существование современной социальной мифологии, объектов мифологизации, обобщение существенных черт современного социального мифа.

3. Выявление социокультурных спецификаций пенитенциарного пространства.

4. Рассмотрение мифологии тюремно-воровской субкультуры как особой актуальной мифологической системы, обладающей рядом спецификаций, обусловленных воздействием социокультурных факторов пенитенциарного пространства, а также исследование функциональной природы мифологии тюремно-воровской субкультуры.

5. Изучение особенностей генезиса содержания тюремно-воровской мифологии, а также процесса трансформации мифологических форм в пенитенциарном пространстве в синхронном и диахронном аспектах.

6. Анализ процесса реинтерпретации мотивов мифологии тюремно-воровской субкультуры во внешней социокультурной среде.

Методологической основой диссертационного исследования является культурологический подход, предусматривающий анализ и интерпретацию субкультурных явлений как закономерно возникающих и развивающихся социокультурных феноменов, обусловленных факторами, генерируемыми социокультурным пространством современной России. Данный подход обеспечивает возможность более глубокого и полноценного анализа специфичных субкультур, так как они рассматриваются как естественно и закономерно возникающие и развивающиеся феномены, а не как некие патологические структуры.

Нами применяется междисциплинарный подход к исследованию таких феноменов как «миф», «мифология», «субкультура», «пенитенциарное пространство» с привлечением историко-философских, культурологических, социологических, социально-психологических, лингвистических, исторических и юридических источников.

В процессе проведения исследования наиболее полно применялись следующие методы:

На стадии сбора фактографического материала активно использовались:

1. Метод ключевого информанта – автор организовывал и проводил беседы с информантами из числа заключённых, бывших заключённых, и сотрудников администрации мест лишения свободы, как действующих, так и бывших. Отбор информантов проходил с учётом выполняемой ими роли в субкультурном сообществе, а также той степени субкультурной информированности, которой

обладает информант в результате позиции, занимаемой им в субкультурном сообществе. Также в расчет принимались иные факторы, формирующие эффективность работы с информантом, например, готовность информанта к общению, к полноценному сотрудничеству, степень его беспристрастности в оценках.

2. Метод дискурс-анализа применялся автором для сбора и аналитической интерпретации фактографических сведений из текстов лиц, описывающих своё собственное пребывание в местах лишения свободы.

На стадии анализа и обобщения полученного фактографического материала диссертант использовал:

1. Структурно-функциональный метод для выявления и анализа отдельных структурных единиц мифологии тюремно-воровской субкультуры и определения её функциональной природы.

2. Синхронический метод для анализа феномена вариативности мифологии тюремно-воровской субкультуры в одном временном периоде.

3. Диахронический метод при исследовании хронологической последовательности процессов трансформации мифологических конструктов, что предусматривает также использование метода сравнительного анализа для выявления различных стадий трансформации мифологических субкультурных феноменов.

4. Герменевтический и семиотический методы для раскрытия смыслов субкультурных феноменов, включая содержание образно-символического ряда мифологии тюремно-воровской субкультуры.

5. Логические приемы индукции и дедукции, анализа и синтеза, научного обобщения и систематизации, применяемые при изучении фактографического материала и мифологических феноменов.

**Теоретической базой** стали труды отечественных и зарубежных исследователей – специалистов в области культурологии, философии, лингвистики, психологии, криминологии.

Теоретическую базу в ракурсе исследования общей теории мифа составили работы специалистов в изучении мифа и мифологии. В частности диссертант опирался на исследования таких авторов как: А. Н. Афанасьев, Дж. Вико, В. Вундт, Я. Э. Голосовкер, Э. Кассирер, Ф. Х. Кессиди, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, Ф. М. Лосев, Б. Малиновский, Е. М. Мелетинский,



В. М. Найдыш, В. М. Пивоев, А. Б. Рэдклифф-Браун, Г. Спенсер, М. М. Стеблин-Каменский, Э. Тайлор, А. А. Тахо-Годи, О. М. Фрейденберг, Дж. Дж. Фрэнгер, К. Хюбнер и др.

Теоретической базой в ходе анализа состояния современной мифологии стали работы отечественных и зарубежных исследователей современного мифа, таких как: Т. Адорно, Н. Винер, Г. Д. Гачев, П. С. Гуревич, А. В. Костина, А. А. Мишучков, С. Ю. Неклюдов, К. Поппер, Ж. Сорель, А. Л. Топорков, Э. Фромм, Н. И. Шестов, К. Ясперс и др.

В изучении субкультур режимных сообществ автор опирался на работы специалистов в этой области К. Л. Банникова (солдатская субкультура), М. Т. Дьячка (солдатское субкультурное аргю) и других.

В изучении тюремно-воровской субкультуры автор опирался на исследования Ю. К. Александрова, Ю. А. Алфёрова, В. М. Анисимкова, Ю. М. Антоняна, Д. С. Балдаева, Ю. И. Блохина, А. Г. Бронникова, Я. И. Гилинского, А. И. Гурова, С. И. Дементьева, Ю. П. Дубягина, О. П. Дубягиной, В. Р. Кабо, С. Я. Лебедева, Д. С. Лихачева, А. Н. Олейника, С. Г. Олькова, В. Ф. Пирожкова, Ж. Росси, Л. С. Самойлова, А. А. Сидорова, Г. Ф. Хохрякова, В. Е. Южанина и др.

Рассматривая пенитенциарную субкультуру в культурно-историческом аспекте, автор обращался к работам В. Дорошевича, С. В. Максимова, Ф. М. Достоевского, М. Н. Гернета, В. Т. Шаламова.

**Эмпирическую базу** исследования составили мемуары и художественные произведения, написанные людьми, в прошлом отбывавшими наказание в местах лишения свободы, опубликованный тюремный фольклор, а также работы сотрудников администрации мест лишения свободы, психологов и иных сотрудников мест лишения свободы, непосредственно изучавших и описавших жизнь арестантов. Также в эмпирическую базу исследования вошли личные беседы автора с лицами, находящимися в местах лишения свободы; лицами, ранее отбывавшими наказание, относящимися как к категории неоднократно судимых, так и к лицам, имеющим единственную судимость; интервьюирование сотрудников учреждений пенитенциарной системы, как действующих, так и бывших, имеющих большой опыт работы и обладающих умением квалифицированно излагать своё мнение. Также автором использовались материалы, публикуемые лицами, ранее отбывавшими

наказание: В. Лозовским, Л. И. Амстиславским, Э. Зейналовым, А. Адашевым, И. Костровым, В. А. Майером, Ф. Крестовым, и др.

### **Научная новизна исследования.**

1. Выявлены социокультурные факторы, представляющие собой естественные и органичные основания возникновения и развития в пенитенциарном пространстве тюремно-воровской субкультуры, в отличие от тех позиций, которые рассматривают наличие этой субкультуры как некую социокультурную патологию.
2. Установлен основополагающий, определяющий характер тюремной мифологии по отношению к тюремно-воровской субкультуре, что даёт возможность проведения глубоких исследований субкультурных феноменов с учётом их мифологических составляющих, а также продуктивного практического воздействия на субкультурные феномены с целью их коррекции посредством изменения соответствующих мифологических стереотипов.
3. Выделены жизненно-существенные аспекты мифологии тюремно-воровской субкультуры, а также установлена её динамика в зависимости от изменений социокультурной ситуации как в самом пенитенциарном пространстве, так и во внешнем мире.
4. Доказано, что заимствование тюремно-воровских конструктов внешним социокультурным пространством представляет собой сложный процесс реинтерпретации мотивов мифологии тюремно-воровской субкультуры, предусматривающий разнообразные модификации в зависимости от тех или иных доминирующих в контексте данного процесса факторов.
5. Установлены и проанализированы различные модусы существования тюремно-воровской мифологии как в собственно криминальной среде, так и в пенитенциарном пространстве, а также варианты модификаций тюремных мифологем в свободном мире, сформировавшихся в результате процесса реинтерпретации мотивов тюремно-воровской мифологии.
6. Доказано, что реинтерпретированное мифологическое опирается на элементы, которые заимствуются из коренной, аутентичной мифологической системы, и отражает реальные социокультурные процессы «свободного» пространства.

### **Положения, выносимые на защиту:**

1. В современном социокультурном пространстве существуют определённые локусы, в которых мифология действует наиболее интенсивно, приобретая некоторые специфические черты, определяемые особенностями самих данных локусов.
2. Пенитенциарное пространство, являясь искусственно созданной закрытой средой действия системы исполнения наказаний, формируется и функционирует, находясь под воздействием ряда важных социокультурных факторов, обуславливающих его определённые спецификации. В результате воздействия этих социокультурных факторов в пенитенциарном пространстве формируется и воспроизводится определённая субкультура, отражающая социокультурные спецификации этого пространства.
3. Сущностную основу тюремно-воровской субкультуры составляет мифологическая система, обладающая рядом важных спецификаций. Тюремно-воровская мифология формируется как посредством заимствования мифологических образов и мотивов из внешнего социокультурного пространства (главным образом из мифологии криминальной субкультуры, мифологической архаики, религиозно-мифологических систем, а также социальной мифологии), так и при помощи активного процесса мифогенеза в результате мифологического осмысления аспектов пенитенциарной повседневности, изначально обладающих прагматическим характером.
4. Процесс заимствования мифологического из внешнего социокультурного пространства сопровождается вторичной мифологизацией – трансформацией семантических аспектов мифологических конструктов и форм их экспликации.
5. Изменение социокультурных условий пенитенциарного пространства обуславливает трансформацию мифологического, что отражает действенный характер мифологии и её важную роль в развитии субкультуры.
6. Процесс воспроизводства мотивов тюремно-воровской мифологии вне пенитенциарного пространства обусловлен абсорбирующими интенциями социума, формируемыми действующими в нём социокультурными потребностями. Мифология тюремно-воровской субкультуры обладает целостностью только внутри пенитенциарного пространства, во внешнем мире она воспроизводится сегментарно, подвергаясь ремифологизации в процессе адаптации к новым социокультурным условиям. Возникающее мифологическое

характеризуется спонтанностью, локусностью, несистемностью, потерей либо большой степени редукции своего прагматического характера, увеличением степени мифопоэтической значимости, образуя своеобразную квазимифологию.

### **Научно-практическая значимость исследования.**

**Теоретическая значимость** данной работы заключается в выявлении и анализе социокультурных спецификаций конкретной мифологии, а также системы закономерностей её развития. Полученные в ходе исследования данные могут быть применены к исследованию иных современных мифологических систем, в особенности тех из них, которые формируются и функционируют в различного рода режимных, а также других «закрытых» сообществах.

Кроме этого, выявленная ключевая роль мифологического в конкретном субкультурном явлении, а также, по аналогии, в субкультурных системах других режимных сообществ, обладающих сходными социокультурными характеристиками (армия, иные учреждения), позволяет проводить анализ субкультур либо отдельных аспектов субкультурных феноменов с учётом их мифологических компонентов. Это может способствовать выявлению закономерностей, не выделяемых в исследованиях, проводимых без учёта мифологической составляющей.

Сведения, полученные в ходе исследования процесса реинтерпретации мотивов тюремно-воровской мифологии в пространстве свободного мира, могут быть применены при анализе подобных процессов реинтерпретации субкультурного мифологического во внешнем социокультурном пространстве.

Кроме этого, данные, полученные в результате исследования, могут применяться в специализированных, прикладных исследованиях процесса реинтерпретации, имеющих целью выстраивание практической системы коррекции этого явления и обуславливающих его социокультурных факторов.

**Практическая значимость** исследования заключается в возможности применения полученных в ходе его проведения результатов в практических целях сотрудниками администрации пенитенциарных учреждений, для разработки стратегий воспитательно-коррекционных мероприятий. На основании полученных данных могут выстраиваться различного рода прогностические модели развития пенитенциарного пространства.

Это обладает особой актуальностью именно сейчас, когда назрела необходимость кардинального реформирования системы исполнения наказаний, что требует наличия теоретической основы. При разработке теоретических моделей реформы следует учитывать значимую субкультурную роль и специфический характер пенитенциарной мифологии. Учитывая, что модели для нововведений в местах лишения свободы будут заимствоваться из практики европейских или американской систем исполнения наказаний, то, при наличии сведений о социокультурных условиях, вырабатываемых этими моделями, представляется возможным создание прогностических моделей развития тюремной субкультуры в России.

Также результаты исследования можно использовать в практической коррективно-воспитательной работе с правонарушителями вне мест лишения свободы, особенно с несовершеннолетними.

**Апробация результатов работы и практическое применение материалов диссертационного исследования.**

Материалы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств, на заседаниях Регионального института философских и культурологических исследований Челябинской государственной академии культуры и искусств, в выступлениях и докладах на конференциях: «Молодёжь в науке и культуре XXI века» (Челябинск, 2010), «Молодёжь в науке и культуре XXI века» (Челябинск, 2011), Пятые Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры» – «Социокультурные аспекты динамики традиционных форм культуры» (Челябинск, 2011) (два доклада), «Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы» (Пенза, 2011), «История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы» (Пенза, 2011), XXXIII научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава Челябинской Государственной Академии Культуры и Искусств (Челябинск, 2012).

**Структура исследования** определяется поставленной целью и задачами. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, её актуальность, степень научно-теоретической разработанности, формулируются объект, предмет, цель и задачи работы, анализируется методологическая основа исследования, отмечается научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе **«Мифология в контексте современной культуры»** проводится анализ процесса научной рефлексии о феноменах архаического и современного мифа, выделяются спецификации мифологического в современном социокультурном пространстве.

В первом параграфе **«Мифология как феномен»** представлен анализ исторической последовательности научных подходов к интерпретации феноменов архаического (традиционного) мифа и мифологии, в ходе которого выделяются значимые аспекты феномена мифа, что позволяет сформулировать определение мифа и мифологии.

Первая научно-рациональная концепция интерпретации мифа была сформирована в рамках аллегорического подхода, рассматривающего миф как феномен, обладающий образным содержанием, в котором скрывается некое рациональное ядро, которое и должно проясняться посредством логической интерпретации.

Эвгемерическая концепция интерпретации мифа (Геродот, Эвгемер, П. Ф. Сум) интерпретирует миф как процесс обожествления реальных исторических личностей, который вступал в действие по мере удаления во времени эпохи их жизни.

Романтическая концепция мифа (Ф. Шеллинг) усматривала аналогии между мифом и формами поэтического творчества. Вершиной развития данной концепции явилась мифологическая модель Ф. Шеллинга, считавшего, что миф являет собой объективно-субъективный феномен.

Компаративная парадигма связывала феномен мифа с иными культурными формами, устанавливая основополагающие сходства между рассматриваемыми феноменами и выводя существенные особенности мифологического по аналогии со спецификациями объекта сравнения.

Дж. Вико сравнивал миф с детским сознанием человечества, выделяя в филогенезе три стадии – детства, юности и зрелости, и соотнося эпоху активного мифотворчества с детством человечества, которое он, в свою очередь анализировал по аналогии с детством индивида. Исторический подход Вико к мифологии обусловил представление о периодическом возрождении мифологического сознания в силу цикличности истории.

Лингвистическая (лингвонатуралистическая) теория интерпретации мифа (М. Мюллер, Я. Гримм, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. Кун и др.) фокусировала внимание на сфере соотношения семантики и метафорического строя мифа, рассогласование которых приводит к «стиранию» исходного смысла метафор, что рассматривалось как основа мифогенеза, в рамках чего миф получал трактовку «болезни языка».

Эволюционистская (или антропологическая) парадигма изучала мифы с позиций эволюционистского подхода, веры в одушевление предков и природы (Э. Б. Тайлор, Э. Лэнг, Г. Спенсер). Данный подход к исследованию мифов основывался на теории о линейном развитии человечества от примитивных первобытных форм к развитым, цивилизованным формам.

Анимистическая концепция мифа, разработанная Э. Б. Тайлором, выводила происхождение мифологии из первобытных представлений о душе. Тайлор видел истоки анимизма в вере в духов, населяющих всю природу. Г. Спенсер основывал эти воззрения на древнем культе почитания умерших предков. Концепция аниматизма Р.-Р. Маретта постулировала существование единой духовной силы, пронизывающей всё сущее.

Ритуалистическая теория мифа (У. Р. Смит, Дж. Дж. Фрэнгер и др.) акцентировала проблему связи между мифом и ритуалом. У. Р. Смит вывел гипотезу о происхождении мифологии из обрядности, приписав мифу функцию объяснения обряда. Дж. Дж. Фрэнгер устанавливал приоритет ритуала не только по отношению к мифу, но и ко всем историческим формам сознания, призывая видеть в них эпифеномен ритуала.

Функциональная концепция мифа Б. Малиновского и структурализм А. Р. Рэдклифф-Брауна акцентировали внимание исследователей на социальной, функциональной сущности мифа, в частности, на исполнении им моделирующей и стабилизирующей функции, а также на его норморегулирующем характере.

Аффективно-ассоциативная парадигма (В. Вундт и др.) связывала процесс мифотворчества с аффективной сферой, относя к источникам мифа любые факторы, вызывающие эмоционально-аффективные переживания.

Психоаналитическая концепция исследования мифа (З. Фрейд, К. Юнг, Дж. Кэмпбелл, Э. Фромм, В. Вундт, Э. Нойман, Г. Башляр, Е. М. Мелетинский) установила мифологический характер аффективных состояний и сновидений.

Символическая теория мифа (Э. Кассирер, С. Лангер, К. Гирц), разработанная Э. Кассирером, трактует миф как одну из символических форм. Кассирер рассматривает мифологию как автономную символическую форму культуры, обладающую особым способом символической объективации чувственных представлений.

Лингвистическое направление символической парадигмы представлено работами А. Н. Афанасьева, М. М. Маковского, В. А. Масловой.

А. Н. Афанасьев трактовал мифы как древние метафоры, первоначальный смысл которых забылся с развитием языка и превращением его из средства выражения внутреннего мира человека в способ выражения его мыслей, то есть, в средство коммуникации.

М. М. Маковский развивает теорию ритуального происхождения языка, считая ритуал исходным локусом становления языка как знаковой системы, приобретающей связь между означаемым и означающим, выраженным в звуках.

Социологическая парадигма (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль) устанавливала основания мифотворчества в сфере социальных условий мифологической фантазии. Дюркгейм отметил важную особенность первобытной мифологии, заключающуюся в её институциональном характере – способности выражать формы социальной организации и общественных отношений внутри социума.

Л. Леви-Брюль, отмечал важное значение в мифомышлении фактора эмоциональности. В мифологическом сознании мыслительное тесно связано с эмоциональной, аффективной сферой, образуя синкретичное единство.

Структуралистская парадигма трактует миф в качестве логического механизма постепенного снятия фундаментальных противоречий в обществе и мировоззрении (К. Леви-Строс, Я. Э. Голосовкер, В. В. Иванов, В. Н. Топорков).



Философское направление изучения мифа представлено работами А. Ф. Лосева, который охарактеризовал миф как непосредственно данную человеку реальность. Но мифологическая реальность является реальностью изменённой, реконструированной воображением субъекта, носителя мифа, отражённой им посредством образов-аналогов. Эта реальность наделяется определёнными субъективными значениями, актуальными для субъектов мифа.

К проблемам мифологического сознания, мифа, языка, символа в XX в. обращаются такие отечественные исследователи, как Ф. Х. Кессиди («От мифа к логосу»), Е. М. Мелетинский («Поэтика мифа»), М. И. Стеблин-Каменский («Миф»), О. М. Фрейденберг («Миф и литература древности»), Я. Э. Голосовкер («Логика мифа»), А. И. Зайцев («Греческая религия и мифология»), В. М. Пивоев («Мифологическое сознание как способ освоения мира»), а также А. Я. Гуревич, С. С. Аверинцев, Ю. М. Лотман, В. И. Иванов и другие отечественные и зарубежные исследователи.

Основываясь на идеях и положениях вышеперечисленных концепций, автор понимает под мифом социокультурное предписание к действию, синкретично выраженное в образной, эмоционально-ценностной форме, воспринимаемое носителем в качестве реальности.

Под мифологией нами понимается система мифов, мифологем, которые закономерным образом в силу структурных связей образуют относительно целостную картину мира, в котором эта мифология возникает.

Во втором параграфе «Мифология в современности» автор показывает степень представленности мифологического в современном социокультурном пространстве, отражает специфический характер современной мифологии по сравнению с классическим архаическим мифом, роль мифа в организации пространства современного мира, проявляющуюся в функциональной выраженности этого феномена, и делает краткий обзор локусов современного социокультурного пространства с повышенным уровнем мифологического.

В современном мире мифология не потеряла своего значения. Многие видные исследователи культуры (А. Ф. Лосев, О. Шпенглер, Л. Н. Гумилёв, Т. Кун) говорили о том, что мифологические, архаические представления являются центральным стержнем любой культуры, лежат в её основе и определяют направления её развития. Идеи о важной роли мифологического в функционировании и развитии современного социокультурного пространства

выдвигают ряд отечественных (Н. И. Шестов, Н. И. Кареев, Л. П. Карсавин) исследователей, а также западных социологов и философов (Л. Фойер, Н. Винер).

Феномен социального мифа (термин введён А. Шопенгауэром и Ф. Ницше) получил различные трактовки в творчестве разных исследователей. Он рассматривался как некая необходимая иллюзия, выполняющая функцию консолидации, объединения социума в условиях массового сознания (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше); как средство воздействия на массы, целью которого является стимулирование их политической активности (В. Парето, Ж. Сорель); как мощное деструктивное средство идеологического воздействия (К. Г. Юнг, Э. Кассирер, М. Хайдеггер, Э. Фромм, К. Ясперс); как неизбежное явление, выступающее основой любой идеологии, и, в зависимости от идеи, лежащей в её основе, обладающее либо деструктивным, либо конструктивным характером (К. Поппер, Т. Адорно, А. Винер); как порождение буржуазной идеологии.

Особенности современного мифа главным образом заключаются в следующем:

1. Современная мифология обладает такими чертами как аморфность, расплывённость, полицентризм и неустойчивость (А. Н. Топорков), а также имеет локусный характер распространения.
2. Современный миф обладает редуцированным по сравнению с архаическим образно-символическим рядом, а также характеризуется большей степенью рациональной опосредованности.
3. По своему происхождению и продолжительности существования современные мифы различны. Они могут опираться на отечественные традиции, а могут быть заимствованы из других культур.
4. Современные мифы могут иметь естественный характер происхождения, а могут конструироваться искусственно.
5. По объекту мифологизации можно выделить как наиболее значимые политические, расово-этнические, квазинаучные мифы и мифы массового сознания.

Выделенные спецификации современной мифологии обуславливают и её функциональную неоднородность, формируя полифункциональный характер мифологического.

Более концентрированный характер имеет мифологическое в различных субкультурах, например, в молодёжных. В немалой степени способствуют генезису мифологического сами характеристики пространства функционирования субкультурных сообществ, в частности, их анклавность.

В современном социокультурном пространстве существуют локусы, в значительной мере обладающие свойством закрытости, которая по степени выраженности иногда доходит до уровня изоляции, например, так называемые режимные сообщества, среди которых можно выделить армию и места лишения свободы – пенитенциарное пространство.

Современные мифологические модели общего характера не дают возможности исследования процессов синхронной и диахронной динамики мифологического в подобных пространствах, а также проявления этого феномена за их пределами. В нашем случае в качестве такого пространства выступают места лишения свободы.

Во второй главе **«Мифология тюремно-воровской субкультуры как особая социокультурная система»** исследуются особенности мифологии тюремно-воровской субкультуры как сущностной основы субкультурной системы, отражающей социокультурные спецификации пенитенциарного пространства.

В первом параграфе **«Социокультурные особенности пенитенциарного пространства»** проводится анализ сущностных социокультурных факторов, действующих на территории пенитенциарного пространства и формирующих значимые спецификации генерируемой в результате их проявления субкультурной системы.

В нашей работе понятие пенитенциарного пространства включает в себя места лишения свободы для совершеннолетних мужчин. Сюда относятся следственные изоляторы, исправительные колонии (ИК) общего, строгого и особого режима, а также тюрьмы различных режимов.

Тюремно-воровская субкультура представляет собой спонтанно формирующуюся вторичную адаптивную среду, генерируемую и развивающуюся в результате действия в местах лишения свободы ряда специфических социокультурных факторов, где сущностным механизмом генерации этой субкультуры является процесс мифологизации.

Пенитенциарное пространство формируется и функционирует, находясь под воздействием ряда важных социокультурных факторов, обуславливающих его определённые спецификации. Среди этих социокультурных факторов мы выделяем как наиболее важные следующие:

1. Принудительный характер организации пенитенциарного пространства и жёсткость регулирования протекающих в нём процессов. Этот фактор воспроизводится арестантами на субкультурном уровне, принимая формы табу и ритуалов.

2. Изолированность пенитенциарного пространства.

Изоляция мест лишения свободы активизирует роль непосредственно мифотворческих процессов, так как в условиях культурного вакуума повышается значение мифотворчества как ключевого средства построения субкультурного пространства, а также активизируется мифологическое сознание, способствуя воссозданию ситуации архаического синдрома, актуализирующего базальные структуры человеческого мышления, соответствующие уровню мифомышления.

3. Исчезновение в пенитенциарном пространстве ряда базовых культурных универсалий, являющихся отправными точками развития личности в современном мире, таких как дом, семья, общение с лицами противоположного пола, наиболее значимой из них является свобода.

На субкультурном уровне эта ситуация компенсируется возникновением неких мифологических субституттов, например, сакрализованного пространства камеры, и, наоборот, табуированных, низкостатусных территорий – туалета, места под койкой. Интересен феномен «тюремной семьи», окружённый системой ритуалов и табу.

4. Отсутствие либо резкое снижение в местах лишения свободы привычных жизненных стандартов.

5. Специфика контингента мест лишения свободы, главным образом, его криминогенный характер и качественная неоднородность.

Подобная специфика пенитенциарного контингента генерирует большой уровень агрессии, которая на субкультурном уровне либо контролируется посредством «понятий» тюремного закона, регламентирующего все сферы взаимоотношений заключённых, либо перераспределяется внутри сообщества

арестантов, принимая «узаконенные» субкультурные формы, связанные с унижением заключённых, формирующих низшие тюремные касты.

6. Лагерно-барачный тип организации большей части пенитенциарного пространства, являющийся причиной большой скученности арестантов, которая присутствует также и в камерах следственных изоляторов.

Этот фактор способствует приобщению новичков к субкультурным ценностям, так как новички имеют возможность свободно общаться с их носителями, а также непосредственно стимулирует развитие тюремной субкультуры в силу того, что большие коллективы нуждаются в больших комплексах неформального регулирования. Администрация мест заключения также нередко вынуждена лояльно относиться к тем аспектам тюремно-воровской субкультуры, которые направлены на поддержание порядка в местах лишения свободы.

7. Зависимость пенитенциарного пространства от внешней социокультурной среды и наличие высокой степени обусловленности процессами, происходящими во внешнем социуме.

Пенитенциарное пространство заключено в сферу внешнего мира, оно существует в социуме, будучи изолировано, выделено из него, и всё же опосредованно сохраняя с ним обоюдную связь, при которой изменения, происходящие в социуме, влекут за собой соответствующие изменения процессов, протекающих в пенитенциарном пространстве, и история показывает, что наиболее кардинальным образом эта субкультура менялась после значимых перемен социокультурного пространства свободного мира – после второй мировой войны, после начала «перестройки» в девяностые годы XX века.

Во втором параграфе «**Специфичность мифологии тюремно-воровской субкультуры в контексте пенитенциарного пространства**» выявляются особенности мифологии тюремно-воровской субкультуры в рамках её обусловленности социокультурными факторами мест заключения.

В результате проявления в пенитенциарном пространстве рассмотренных социокультурных факторов в нём формируется и воспроизводится мифологическая система, в которой мы выделяем ряд особенностей:

1. Субституциональная природа мифологии тюремно-воровской субкультуры.

Отсутствие привычных социокультурных механизмов организации и функционирования субкультурного пространства обуславливает необходимость выстраивания особой мифологической системы, замещающей собой отсутствующие механизмы, то есть генерирующей субституты, представленные мифологемами, которые могут иметь характер, оппозиционный нормам и ценностям внешнего свободного общества (воровские «понятия» как субституты общественных норм поведения) или нейтральный (тюремная «семья»).

2. Полифункциональность этой мифологии, обуславливающая высокую степень её представленности в тюремно-воровской субкультуре.

Тюремно-воровская мифология реализует социально-практическую функцию (организация кастового сообщества), аксиологическую (ценностная детерминация субкультурных феноменов, выражающаяся в их сакрализации либо табуизации), идеолого-прагматическую (стабилизация субкультурной картины мира посредством ритуалов), коммуникативную (наиболее значимо реализуется средствами аргю, татуировки и фольклора), нормативную (феномен «воровских» и тюремных «понятий»), социально-компенсаторную (различные субституты, формируемые мифологическими средствами), эстетическую (эстетизация образа арестанта посредством татуировки, аргю, и т.д.), социализирующую (например, феномен тюремной «прописки»). Все эти функции реализуются в тесной взаимосвязи.

3. Жёсткость мифологических конструктов, формирующих субкультурные нормы и ценности.

Принудительный характер организации пенитенциарного пространства обуславливает воспроизводство жёсткости на субкультурном уровне, а так как сущностную основу тюремно-воровской субкультуры составляет её мифологическая система, то именно она и генерирует данное качество. Например, жёстким характером обладает система тюремных ритуалов и табу, обязательных к исполнению.

4. Квазиархаический характер тюремно-воровской мифологии.

Особенности пенитенциарного пространства обуславливают процесс реактуализации архетипических слоёв мифологического сознания, в результате которого современность приобретает черты, демонстрирующие определённую изоморфность чертам классического архаического мифа. Но в силу того, что

данная мифологическая система разворачивается в современном социокультурном пространстве, неизбежно подвергаясь процессам рационализации, мы можем говорить лишь о наличии в пенитенциарном пространстве определённого модифицированного аналога архаической мифологии – квазиархаической мифологии.

К чертам, демонстрирующим изоморфность мифологии тюремно-воровской субкультуры архаической мифологии, можно отнести следующие формы:

- Анимистические мотивы, представленные зооморфными и антропоморфными образами.
- Тотемистический образно-символический ряд.
- Фетишистские мотивы.
- Признаки магизма, включающие мотивы симпатической и контактной магии.
- Развитый образно-символический ряд мифологии тюремно-воровской субкультуры.

Черты, составляющие отличие тюремно-воровской мифологии от архаического мифа и приближающие её к современной социальной мифологии, включают в себя:

- Фрагментарность мифологического в пенитенциарном пространстве.
- Пластичность тюремного мифа (способность тюремного мифа изменяться под влиянием воздействия со стороны различных социокультурных факторов).
- Рациональную опосредованность мифологического.

5. Полиморфизм мифологии тюремно-воровской субкультуры, вариативный характер мифологических конструктов.

Данная спецификация тюремного мифа реализуется на различных уровнях: на уровне тюремно-воровского аргоса полиморфизм представлен большим количеством синонимических рядов, мифологически осмысляющих одно и то же значение в различных ракурсах; татуировочный комплекс обладает различными вариациями выражения одной и той же мифологемы; тюремный фольклор изобилует примерами вариативного выражения одного и того же мифологического конструкта.

Сравнительный анализ тюремно-воровской мифологии по отношению к криминальной мифологии, функционирующей в свободном мире, показывает,

что тюремный миф обладает большей степенью полифункциональности, субституциональности, полиморфизма, наличия квазиархаических черт, а криминальная мифология, в свою очередь, обладает большей степенью фрагментарности, пластичности и рациональной обусловленности.

В третьей главе «Процессы динамики мифологии тюремно-воровской субкультуры» производится исследование динамических процессов мифологии тюремно-воровской субкультуры в пенитенциарном пространстве и в социокультурном пространстве свободного мира.

В первом параграфе «Ключевые аспекты динамики мифологии тюремно-воровской субкультуры в пенитенциарном пространстве» анализируются особенности генезиса содержания тюремно-воровской мифологии и процесса трансформации мифологических форм в пенитенциарном пространстве в синхронном и диахронном аспектах.

Мы выделяем три динамических аспекта тюремно-воровской мифологии, характеризующих её с точки зрения образования, генезиса конструктов, её функциональности как системы, и развития этой системы во времени под влиянием изменяющихся социокультурных условий:

1. Генезис мифологического тюремно-воровской субкультуры.
2. Функционирование мифологического как проявление синхронной внутренней динамики тюремно-воровской мифологии.
3. Трансформации мифологического, связанные с изменением социокультурных условий в диахронических аспектах.

Генезис мифологического в пенитенциарном пространстве происходит двумя основными способами: либо посредством рецепции мифологических конструктов из внешней социокультурной среды, либо через мифологическое осмысление пенитенциарных феноменов, изначально обладавших прагматическим характером.

Основными сферами заимствования мифологического в пенитенциарное пространство являются:

1. Мифология криминальной субкультуры.
2. Образы и мотивы мифологической архаики, реактуализируемой мифологическим мышлением на территории пенитенциарного пространства (хтонические, зооморфные образы), а также образы и мотивы различных религиозно-мифологических систем.



3. Социальная мифология внешнего социокультурного пространства (образы вождей – Ленина, Сталина, получившие вариативную мифологическую интерпретацию, что обусловлено неоднородностью контингента мест заключения).

Генезис мифологического в этом пространстве не ограничивается лишь процессом его заимствования из внешней социокультурной среды с последующей субкультурной трансформацией. В пенитенциарном пространстве активно проявляется и процесс непосредственного создания мифологического путём мифологизации смыслов, феноменов пенитенциарной повседневности, первоначально прагматичных, придания им образной формы, наполненной эмоциональным и аксиологически определённым содержанием.

Синхронная внутренняя динамика мифологии тюремно-воровской субкультуры устанавливает особенности ситуативно-обусловленной функциональности этой системы. Тюремная мифология существует в жёсткой среде, постоянно сталкиваясь с прагматическими конструкциями. Возникающие противоречия нейтрализуются посредством создания различных фольклорных форм (анекдоты, пословицы), создающих альтернативные вариативные модели поведения. Этот процесс формирует у тюремного мифа такие характеристики как пластичность и полиморфизм, и позволяет подтвердить статус тюремно-воровской мифологии как активной социокультурной системы.

К изменению мифологических моделей приводят радикальные социокультурные изменения, ведущие к смене значимых социокультурных условий пенитенциарной среды. Это свидетельствует о наличии мощного процесса диахронной динамики мифологического, подтверждающего активный, сущностно важный для субкультуры характер тюремно-воровской мифологии.

Процесс динамики мифологии тюремно-воровской субкультуры не ограничивается пределами пенитенциарного пространства, так как конструкты этой мифологии покидают его, реализуясь в сфере свободного мира, что составляет ещё один динамический аспект мифологического, функционирующего в местах заключения.

Во втором параграфе «Трансформация мифологических конструктов тюремно-воровской субкультуры в пространстве открытого общества»

исследуется процесс реинтерпретации мотивов мифологии тюремно-воровской субкультуры во внешней социокультурной среде.

В современном российском социуме можно обнаружить массу проявлений тюремно-воровской субкультуры в самых разных локусах. Это заставляет говорить о подобной тенденции как о полноценном социокультурном феномене, требующем изучения, корректирующего воздействия, понимания его сущности и социокультурных факторов, генерирующих данный процесс и обуславливающих его воспроизводство.

Мы называем этот феномен процессом реинтерпретации мотивов мифологии тюремно-воровской субкультуры во внешнем социокультурном пространстве, что представляет собой сегментарное воспроизводство во внешнем мире мифологических конструкторов «зоны» с одновременной их ремифологизацией в процессе адаптации к новым социокультурным условиям.

Рассматриваемый процесс, как мы считаем, генерируется и направляется не «зоной», а внешней средой. Мы считаем, что процесс рецепции мифологического внешним социокультурным пространством формируется и специфицируется следующими социокультурными факторами:

1. Процесс рационализации современного социокультурного пространства, на который культура отвечает процессом архаизации.
2. Социальная нестабильность современной России.
3. Маргинализация (вплоть до криминализации) определённых социальных страт постсоветской России.
4. Последствия устранения идеологических и мифологических конструкций советского времени.
5. Влияние массовой культуры.
6. Особенности культурно-исторического пути России, предусматривающего наличие определённой эмпатии к пенитенциарному пространству и его феноменам.
7. Традиция романтизации тюремно-воровского мира.
8. Обратная сторона процесса демократизации, в контексте которой тюремно-воровской мир считается простонародным.
9. Богатство сюжетики тюремно-воровской субкультуры.
10. Экзотический характер тюремно-воровской субкультуры.

Из этой совокупности факторов выводятся основные потребности свободного мира в обращении к этой своеобразной мифологии, они включают в себя потребности в определённой стилизации, в развлечении, в самовыражении, в достижении образной экспрессии за счёт употребления образных лексем и выражений. В разных социокультурных ситуациях действие разнообразных комбинаций данных факторов актуализирует социокультурные потребности общества и его сегментов.

Тюремно-воровская мифология может органично существовать и функционировать только в условиях пенитенциарного пространства, где действуют социокультурные факторы, которые и формируют эту мифологию, а также направляют её динамические процессы, обеспечивая её развитие как системы. Во внешнем социокультурном пространстве формируется определённая мифология, по отношению к которой тюремно-воровская мифология выступает лишь как прецедент, приобретая значение некоего прототипа. Образующийся феномен не образует системного единства, поэтому мы называем его квазимифологией.

В качестве характеристик данного процесса можно выделить следующие:

1. Локусность проявления, что обусловлено неоднородностью потребностей, эмануруемых социокультурным пространством. В качестве основных локусов реинтерпретации можно выделить литературу, экранную культуру, музыкальную культуру, молодёжные субкультуры.
2. Наличие формо-смысловых трансформаций переносимых конструктов. Мифологический конструкт, вышедший из рамок привычных социокультурных условий, определявших его мифологический образ, функциональную и динамические сферы, оказывается в новом окружении, обретает новые для себя образно-семантические связи и контексты. В результате этого изменяются те коннотационные аспекты мифологемы, которые воспринимались только в контексте пенитенциарного пространства.
3. Спонтанность процесса реинтерпретации. Это значит, что процесс происходит бессистемно, он обусловлен абсорбирующими интенциями внешнего социокультурного пространства, комбинаторика которых имеет ситуативно-обусловленный характер, поэтому реинтерпретируется тот мифологический материал, который более всего отвечает потребностям общества.

Совокупное действие рассмотренных факторов внешнего социокультурного пространства приводит к тому, что мифологические конструкты, органично существующие в пенитенциарном пространстве, во внешнем мире обретают особое звучание, смыслы, формы, а также локусы реализации, что не просто чревато негативными последствиями, но и нередко осуществляется негативным для социума образом.

1. В ходе этого процесса происходит романтизация воровского мира, в свободном мире возникает некий вариант социально адаптированных ключевых воровских мифологем, которые могут получать дальнейшую эксплуатацию в деструктивном социальном ракурсе.
2. Возникает неверная, искажённая картина социальных ценностей, дезорганизующая социально значимые действия людей.
3. Стихийное включение в речевую сферу лексем, имеющих арготическое происхождение, приводит к существенной порче языка.

Эти причины обуславливают необходимость более внимательного и детального изучения этой темы с целью выработки системы конструктивных мер социокультурной коррекции, нивелирующих проявление в социуме факторов, способствующих актуализации процесса реинтерпретации мотивов тюремно-воровской мифологии.

В заключении подводятся основные итоги исследования, а также намечаются перспективы теоретического и практического применения результатов работы.

#### **Статьи в научных изданиях, включённых в реестр ВАК РФ:**

1. Письменный, Е. В. Мифологические основы пенитенциарной инвективы [Текст] / Е. В. Письменный // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011, №4 (28). – С. 77 – 79.

**Статьи в сборниках научных трудов, сообщения и материалы  
научно-практических конференций:**

2. Письменный, Е. В. Актуальность исследования мифологии пенитенциарного пространства [Текст] / Е. В. Письменный // Культура – искусство – образование : единство теории и практики. Материалы XXXI научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава академии / ЧГАКИ. – Челябинск, 2010. – С. 88 – 90.

3. Письменный, Е. В. Мифологическая сущность ритуала употребления чифира как феномена тюремной субкультуры [Текст] / Е. В. Письменный // Молодёжь в науке и культуре XXI века : материалы международного научно-практического форума. Челябинск, 2 – 3 ноября 2010 г. Ч. 1. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2010. – С. 172 – 176.

4. Письменный, Е. В. Мифология тюремно-воровской субкультуры в зеркале карточной игры [Текст] / Е. В. Письменный // Культура – искусство – образование: взаимозависимость результатов науки и практики: Материалы XXXIII научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава академии: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2012. – Ч. 1. – С. 283 – 290.

5. Письменный, Е. В. Отражение архаической семантики мифологемы черепа в символике тюремно-воровской субкультуры [Текст] // Е. В. Письменный / История и культура славянских народов : достижения, уроки, перспективы: материалы международной научно-практической конференции 25 – 26 ноября 2011 г. – Пенза – Белосток – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 168 – 175.

6. Письменный, Е. В. Полифункциональный характер мифологии тюремно-воровской субкультуры [Текст] // Е. В. Письменный / Традиционная и современная культура : история, актуальное положение, перспективы : материалы международной научно-практической конференции 20 – 21 сентября 2011 г. – Пенза – Москва – Минск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 58 – 61.

7. Письменный, Е. В. Процесс реинтерпретации мотивов мифологии тюремно-воровской субкультуры как многоаспектный феномен [Текст] /

Е. В. Письменный // Молодёжь в науке и культуре XXI века : материалы международного научно-практического форума. Челябинск, 2 – 3 ноября 2011 г. Ч. 1. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2011. – С. 172 – 174.

8. Письменный, Е. В. Реинтерпретация мифологических мотивов тюремно-воровской субкультуры как целенаправленный процесс [Электронный ресурс]. / Е. В. Письменный; Теория и практика общественного развития. 2012. №2. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-1-2012/culture/pismenniy.pdf>

9. Письменный, Е. В. Символика мифологемы черепа: отзвук архаики в субкультурности [Текст] / Е. В. Письменный // Пятые Лазаревские чтения : «Лики традиционной культуры»: материалы международной научной конференции 25 – 26 февраля 2011 г.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред. проф. Н. Г. Апухтина. – Челябинск, 2011. – Ч. 2. – С. 182 – 185.

10. Письменный, Е. В. Слово как форма объективации мифологического сознания [Текст] / Е. В. Письменный / Enhancing Teacher Effectiveness: Proceedings of the XVI-th NATE-Russia Annual Conference, Chelyabinsk, June 23 – 26, 2010. Chelyabinsk : Chelyabinsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. – С. 25 – 29.

11. Письменный, Е. В. Смысловые уровни мифологемы матери в контексте тюремно-воровской субкультуры [Текст] // Е. В. Письменный / Челябинский гуманитарий : научный журнал / Академия гуманитарных наук. Челябинское отделение; гл. ред. проф. В. Н. Белкин. – 3 (12) / 2010. – С. 117 – 121.

12. Письменный, Е. В. Специфичность мифологии тюремно-воровской субкультуры в контексте пенитенциарного пространства [Текст] // Е. В. Письменный / Коммуникативные стратегии в современном научном мире : Межвузовский сборник научных трудов, Челябинск, 2011 г. / Отв. ред. О. Л. Дигина; ФГБОУ ВПО ЧГАКИ. Челябинск : Энциклопедия, 2011. – С. 201 – 240.

13. Письменный, Е. В. Экспликация квазиархаических форм мифологии пенитенциарного пространства лексическими средствами тюремно-воровского арго [Текст] / Е. В. Письменный // Язык и культура :

сборник материалов VI международной научно-практической конференции. Челябинск, 22 марта 2011 г. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2011. – С. 96 – 99.

14. Письменный, Е. В. Экспликация мифологем тюремно-воровской субкультуры в речи [Текст] / Е. В. Письменный // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры» : материалы международной научной конференции 25 – 26 февраля 2011 г. : в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред. проф. Н. Г. Апухтина. – Челябинск, 2011. – Ч. 2. – С. 179 – 181.

Письменный Евгений Владимирович

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СУЩНОСТЬ И ДИНАМИКА МИФОЛОГИИ  
ТЮРЕМНО-ВОРОВСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ**

24.00.01 – Теория и история культуры

**Автореферат**

диссертации на соискание учёной степени  
кандидата культурологии

Формат 60x84 1/16

Заказ №1264

Объём 1,8 п.л.

Тираж 100 экз.

Челябинская государственная академия культуры и искусств  
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

Отпечатано в типографии ЧГАКИ, Ризограф